

УДК

А.Ю. Шапошников*

ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ – НЕКОТОРЫЕ ПРОБЕЛЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ИЛИ «ОШИБКИ» СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В статье говорится о некоторых типичных нарушениях требований уголовно-процессуального закона, допускаемых следователями при производстве осмотра места происшествия, об отсутствии законодательного закрепления жестких требований к порядку и условиям применения технических средств фиксации при производстве осмотра места происшествия. Обращается внимание на невозможность идентификации изъятых в ходе осмотра места происшествия предметов и следов при отсутствии детальных фотоснимков объектов и их упаковки. В статье приводятся рекомендации по фотосъемке объектов и их упаковки в ходе осмотра места происшествия и производстве судебных экспертиз.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, фотосъемка, доказательства, доказывание, достоверность доказательств.

«Осмотр места происшествия считается одним из наиболее сложных следственных действий» – этой заезженной фразой, как правило, начинаются статьи и пособия, посвященные тактике и технологии осмотра, но... В памяти практикующего юриста, особенно следователя, она вызывает образы проведенных осмотров и расследований, причем кажется, что это было вот только что, вчера, и автор этих строк не исключение. Память услужливо подкидывает образы, а последующий опыт указывает на допущенные ошибки, части которых можно было бы избежать. Эта статья, посвященная тактике и технологии осмотра места происшествия, во многом работа над собственными ошибками, которые из года в год повторяют современные следователи, адвокаты и судьи.

Все следственные действия, проводимые в ходе одного расследования, связаны между собой, но проблема в том, как обеспечить эту связь. Достаточно ли упоминания свидетеля или потерпевшего о том, что он был на месте происшествия для признания этой связи? Большинство следователей, прокуроров и судей считают что да, но так ли это на самом деле. Как связать осмотр и показания, как дополнить эту систему экспертными заключениями – вот в чем основной вопрос и проблема современного предварительного и судебного следствия.

Как ни парадоксально, но для решения проблем формирования и оценки системы доказательств по уголовному делу необходимо затронуть психологические и философские основы процесса и в первую очередь поставить под сомнение философскую основу доказывания – теорию отражения.

Психологи давно и надежно установили, что процесс восприятия человеком окружающей среды ни в коем случае не тождественен процессу отражения [1, с. 81–112].

---

*© Шапошников А.Ю., 2014.

Шапошников Андрей Юрьевич (shaposhnikoff@mail.ru) кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Восприятие человека несовершенно, оно зависит от множества объективных и субъективных факторов, таких как предыдущий опыт (речь идет не только о профессиональном, но и о жизненном опыте в целом), собственной системы ценностей, а также предубеждений и установок, состояния здоровья, настроения, наличия (отсутствия) прессинга со стороны руководства или общественного мнения, усталости и многих других. Уже изначально следователь и иные участники осмотра не в состоянии «полно, объективно и всесторонне» воспринимать обстановку места происшествия. Более того, в процессе составления протокола следователь, прежде чем записать что-либо, анализирует обнаруженные обстоятельства, оценивает их с позиции относимости, т. е. относятся ли они, по его собственному сиюминутному мнению, к расследуемому событию и если нет, то просто игнорирует, не указывая их в протоколе. Сам по себе перевод визуальных образов объектов в письменное словестное описание также влечет за собой искажение.

Таким образом, уже изначально УПК РФ и вся отечественная теория доказательств, полностью игнорируют то обстоятельство, что протокол осмотра места происшествия НИКОГДА не может в ПОЛНОМ ОБЪЕМЕ соответствовать реальной обстановке места происшествия. Участие понятых никоим образом не препятствует искажениям информации в протоколе, поскольку их восприятие также субъективно, а большинство возражений отмечается следователями с убедительным видом фразой: «это несущественно и не относится к делу, поэтому в протоколе не указывается».

Применение фотосъемки призвано компенсировать недостатки восприятия и субъективность протокола осмотра места происшествия, но фототаблица не имеет самостоятельного доказательственного значения, криминалистические правила фотосъемки носят необязательный рекомендательный характер, а требования к техническим параметрам фотоаппаратуры, качеству и количеству фотоснимков отсутствуют даже в криминалистической литературе. Практики отмечают, что, несмотря на огромный скачок в развитии фотографии и фототехники, качество фотоснимков в уголовных делах снизилось. Анализ материалов уголовных дел свидетельствует о том, что применяемая специалистами при осмотре места происшествия фотоаппаратура относится к классу любительской и часто не обеспечивает необходимого качества фотоснимков. Фотографии, как правило, распечатываются на обычном лазерном принтере в черно-белом режиме, что еще больше ухудшает качество изображения. Электронные носители информации к фототаблицам не приобщаются, равно как и контрольные фотоснимки, в результате проверить достоверность фотоснимков или хотя бы просмотреть их с помощью компьютерной техники в нормальном качестве невозможно. В подавляющем большинстве случаев специалисты экспертных подразделений заявляют, что у них нет необходимых технических средств (отсутствуют профессиональные фотоаппараты, приспособления для фотосъемки в особых условиях, фотопринтеры), а также расходных материалов. Часто в материалах уголовных дел вместо фототаблицы можно встретить справку специалиста (эксперта), в которой сообщается: «изготовить фототаблицу не представляется возможным в связи со сбоем компьютерной программы». Анализ протоколов ОМП свидетельствует о том, что при их составлении следователями в подавляющем большинстве случаев игнорируются требования ст. 166, 180 УПК РФ [3, с. 31–35; 4, с. 304–308]. Ни в одном из изученных нами протоколов (автором было изучено свыше 500 протоколов осмотра места происшествия) в разделе «осмотром установлено» не приводилось описание порядка и условий фотосъемки и полученного при этом результата, из текста протокола непонятно, что именно было сфотографировано, каким образом, сколько всего выполнено фотоснимков. Часто в заключительной части протокола просто указывается: «в ходе осмотра места происшествия осуществлялась фотосъемка», без указания количества фотоснимков, что позво-

ляет следователю или специалисту при составлении фототаблицы просто выбросить «лишние» фотоснимки, часто содержащие информацию, противоречащую версии обвинения. И последнее наблюдение: на практике осуществление фотосъемки поручается специалисту — технику-криминалисту или эксперту-криминалисту. Следователи от этого процесса фактически самоустраиваются, полагая, что «специалист и так все знает и все сделает». Специалист не владеет всей информацией по делу, не представляет всех возможных направлений и возможностей использования фотоснимков, действует из собственных представлений о том, что существенно, а что нет, не несет ответственности за окончательный результат расследования, старается минимизировать свою работу, а также расход материалов. Часто и следователь, и специалист относятся к фотосъемке формально, по принципу — «есть и ладно». В результате на фотоснимках места происшествия просто не отображаются те элементы обстановки места происшествия, которые в дальнейшем могли бы использоваться следователем при получении и проверке показаний участников события. При этом теряется значительное количество важной доказательственной информации, которую можно было бы использовать для построения содержательной связи между осмотром места происшествия и показаниями потерпевших, свидетелей, подозреваемых (обвиняемых).

Пример из личной практики. Два практически идентичных уголовных дела о квартирных кражах. И в том и другом случае основу доказательственной базы составляли показания свидетелей — бдительных бабушек, живших в домах, расположенных напротив места происшествия, и видевших, как злоумышленники выносили сумки с вещами. В обоих случаях бабушки уверенно описали приметы внешности и опознали подозреваемых. Кроме этого, оба дела объединяло еще одно обстоятельство — обвиняемых защищал один и тот же адвокат. Одно уголовное дело расследовал мой коллега, второе — автор этих строк. Дела были направлены в суд с интервалом в одну неделю. В первом случае осмотр проводился по «стандартной схеме», принятой большинством следователей, т. е. от входной двери, и фототаблица начиналась снимком входной двери в квартиру. В судебном заседании адвокат поставил под сомнение показания бабушки и результаты опознания, ссылаясь на возраст, а также на то обстоятельство, что вход в подъезд не просматривается из окон квартиры бабушки. Адвокатом было заявлено ходатайство о проведении судебного эксперимента с целью проверки возможности наблюдения за входом в подъезд, а также субъективной способности свидетельницы воспринимать события в условиях значительного расстояния и давать о них показания, в чем суд ему отказал. Тогда адвокат предложил вернуть дело на дополнительное расследование (это было во время действия УПК РСФСР) для проведения следственного эксперимента, с чем суд, у которого возникли сомнения в достоверности показаний свидетельницы, охотно согласился. Во втором уголовном деле осмотр включал в себя краткое описание подходов к дому, двора, окружающих домов. Фототаблица начиналась серией ориентирующих фотоснимков, на которых был запечатлен не только вход в подъезд, но и весь двор с разных ракурсов, в том числе с помощью «встречной фотосъемки» был дан обзор точек, с которых просматривается вход в подъезд. Причем фотографировать пришлось самому, эксперт-криминалист (тот же, что выезжал на место происшествия по первому делу) «стандартно» начал фотосъемку с входной двери в квартиру и заявил: «10 лет так делаю, никому снимки улицы не нужны, если тебе надо — иди и фотографируй сам», но фотографии напечатал. При допросе бабушки-свидетельницы, установленной участковым, помимо обстоятельств события, было выяснено, что собой представляет двор, на каком этаже живет бабушка, какой обзор из ее окна. Свидетельнице было предложено ознакомиться с фототаблицей и указать на фотографии окна ее квартиры, на что бабушка радостно ткнула пальцем в фотографию: «Вот мои окна и я там, я же видела, как вы фотографируете». На фотографии действительно было за-

фиксировано окно и бабушка, на остальных снимках было отчетливо видно взаимное расположение окна и входа в подъезд, а также свободное пространство между ними. В судебном заседании адвокат попробовал повернуть тот же трюк, что и в первом деле — поставить под сомнение показания бабушки, заявив, что из ее окна вход в подъезд не просматривается, и предложил отправить дело на доследование для проведения следственного эксперимента. «Молодой человек, не морочьте мне голову, — осадил адвоката свидетельница, — там все отлично просматривается и на фотографиях, которые мне показывал следователь, это видно». Судья, по стечению обстоятельств, тот же самый, что и в первом деле, открыл фототаблицу, убедился в правдивости показаний свидетельницы, отказал в удовлетворении ходатайства защиты и вынес обвинительный приговор. Доводы защиты о том, что фототаблица не имеет самостоятельного доказательственного значения были нивелированы наличием в протоколе осмотра места происшествия описания двора и подходов к дому, а также процесса фотосъемки с указанием приемов фотосъемки и номеров фотоснимков. Судья указал, что в данном случае доказательством являются протокол осмотра места происшествия и фототаблица как приложение и его неотъемлемая часть.

Доказательственное значение результатов осмотра места происшествия существенно подрывает отсутствие в УПК РФ четкой регламентации порядка описания, упаковки, хранения и передачи объектов, изъятых в ходе следственных действий. Следственная и судебная практика показывает, что описания предметов в протоколах осмотра места происшествия, а также обыска и выемки настолько расплывчаты и неточны, что их идентификация по описанию становится невозможной, особенно следов папиллярных линий [5, с. 53–67]. При судебном и экспертном исследовании подлинность объектов устанавливается на основании их названия, в лучшем случае описания общих признаков, а также отметки о целостности упаковки и содержания пояснительной надписи, но... идентификация упаковки не производится. Следствие и суд подменяют идентификацию объектов формальной проверкой целостности их упаковки, тогда как отечественная правовая система имеет существенный пробел в обеспечении достоверности вещественных доказательств. На месте происшествия (при обыске и выемке) обнаружение и изъятие объектов проводится в присутствии понятых, которые, по мысли законодателя и утверждениям сторонников обвинительной власти, обеспечивают гарантии их подлинности, упаковываются, опечатываются, точнее, чаще всего упаковка оклеивается заранее заготовленными листами бумаги с оттисками печатей, снабжается пояснительными надписями и подписями понятых. Вроде бы все это должно гарантировать подлинность упакованных объектов, однако фактически никаких гарантий нет, поскольку по окончании осмотра места происшествия упакованные объекты оказываются в распоряжении следственных органов. При направлении их на экспертизу эксперт не исследует подлинность упаковки, а равно подлинность пояснительных надписей и подписей понятых, поскольку не располагает исходной информацией. Поскольку в ходе экспертного исследования упаковка вскрывается и существенно видоизменяется, возможности для ее опознания понятными отсутствуют, равно как и для опознания следов. В результате в распоряжении следственных органов есть существенные возможности для подмены объектов и фальсификации доказательств, и при этом отсутствует защита от подобных злоупотреблений в виде обеспеченной законом гарантии их выявления. Утверждения защиты о том, что вещественные доказательства могли быть подменены, изменены или фальсифицированы иным образом, как правило, опровергаются утверждением суда: «в ходе судебного следствия установлено, что на экспертизу объекты поступили упакованными, следов вскрытия упаковки экспертом не обнаружено». Идентификация упаковки и самих объектов, а равно следов при этом ни экспертом, ни судом не производится, точнее, идентификация подменяется необоснованным умозаключением о том, что эксперт исследовал именно те самые объекты, которые были изъятые в ходе осмотра или обыска.

Анализ экспертных заключений свидетельствует о том, что эксперты-криминалисты при проведении исследований не фотографируют упаковку объектов, поступивших на исследование. Более того, стандартизированное описание упаковки исключает возможности ее идентификации. Например, на фото изображено два конверта (Приложение № 1), в которые упакованы дактопленки. Типовое описание будет сформулировано следующим образом: «дактопленки поступили на исследование упакованными в стандартный конверт из белой бумаги, на котором красителем черного цвета выполнена надпись следующего содержания: «Пакет № 1, упакованы два отрезка светлой дактилоскопической пленки, на которые откопированы следы отображенных папиллярных линий, обнаруженные в ходе осмотра места происшествия 20.11.2008 г.», конверт подписан понятыми и следователем». На фотографиях изображены два разных конверта, но их описание в заключении будет идентичным. Более того, эксперт не присутствовал при производстве следственного действия, незнаком с понятыми и образцами их подписи, следовательно, он не может утверждать, что получил именно тот конверт, который был изъят в ходе осмотра места происшествия (см. примечание). Даже если эксперт сфотографирует упаковку перед вскрытием, этого будет недостаточно для ее идентификации, поскольку суду будет не с чем сопоставлять данный фотоснимок. Для обеспечения идентификации упаковки изымаемого объекта в деле должны быть фотографии, выполненные в ходе осмотра места происшествия, на которых должен быть зафиксирован весь процесс обнаружения, обработки, изъятия и упаковки объектов [5, с. 24]. Для вывода о тождестве изъятых и исследованных объектов суду будет достаточно сопоставить фотоснимки объектов и их упаковки в момент осмотра с фотоснимками объектов и упаковки, выполненных экспертом при производстве экспертизы.

Участие в осмотре места происшествия понятых никоим образом не решает проблемы достоверности объектов, изъятых в ходе осмотра места происшествия, поскольку понятые, в силу закономерностей восприятия, не могут обеспечить надежную идентификацию изъятых объектов и следов.

Современное стремление законодателя избавиться от института понятых, заменив их обязательным применением технических средств фиксации информации, выводит на первый план необходимость не только детального законодательного закрепления порядка и условий применения данных средств, но и пересмотра и переоценки доказательственного значения результатов их применения. Современные цифровые технологии не только расширяют возможности технических средств фиксации информации, но и создают определенные сложности, связанные с обеспечением достоверности результатов следственных действий.

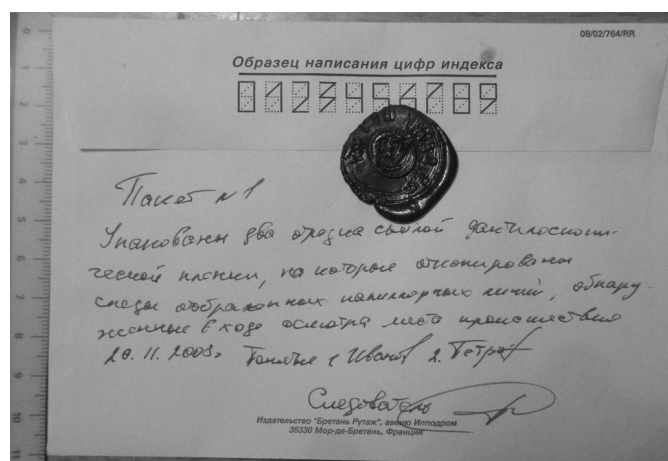
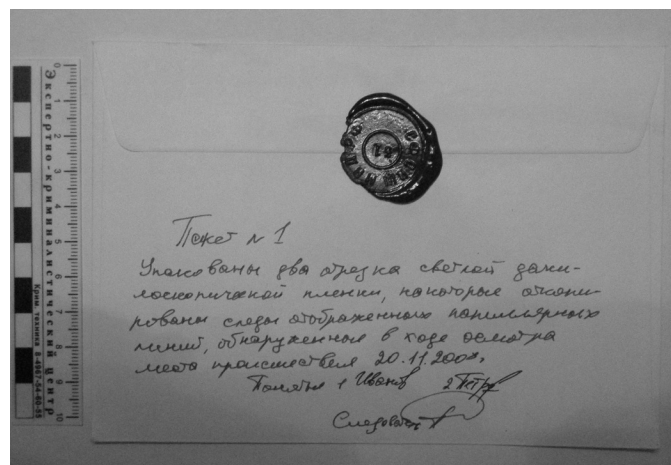
Библиографический список

1. Любимов В.В. Психология восприятия. учебник . М.: Эксмо, ЧеРо, МПСИ, 2007. 472 с., илл. — (Психология: университетский стандарт). С. 81–112;
2. Маслов И.В., Шапков С.А. Применение технических средств фиксации осмотра места происшествия, производимого без участия понятых // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 22–29.
3. Шапошников, А.Ю. Протокол следственного действия как зеркало отечественного уголовного процесса // Юридический аналитический журнал. 2006. № 3. С. 31–35;
4. Шапошников А.Ю. Криминалистические аспекты фиксации доказательственной информации в протоколе осмотра места происшествия // Криминалистика в системе правоприменения: материалы конференции. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 27–28 октября 2008 г. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 304–308.
5. Шапошников А.Ю., Шапошникова И.А. Некоторые аспекты оценки доказательственного значения следов папиллярных линий // Юридический аналитический журнал. 2009. № 2. С. 53–67.

References

1. Lyubimov V.V. Psychology of perception. Tutorial. M., Eksmo, CheRo, MPSI, 2007, 472 p., illustrated. (Psychology: university standard). Pp. 81–112 [in Russian]
2. Maslov I.V, Shapkov S.A. Use of technical means of fixation of view of the place of occurrence produced without participation of witnesses of investigative action. *Ugolovnyi protsess [Criminal proceeding]*, 2014, no. 1, pp. 22–29 [in Russian].
3. Shaposhnikov A. Yu. Protocol of investigative activity as a mirror of domestic criminal process. *Iuridicheskii analiticheskii zhurnal [Legal analytical journal]*, 2006, no. 3, pp. 31–35 [in Russian]
4. Shaposhnikov A.Yu. Forensic aspects of fixation of evidentiary information in the Protocol of inspection of the crime scene. *Kriminalistika v sisteme pravoprimereniia: Materialy konferentsii. Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, 27–28 oktiabria 2008 g. [Forensic science in the system of law enforcement: Proceedings of the conference. Moscow, Lomonosov Moscow State University, October 27–28, 2008]*. M., MAKS Press, 2008, pp. 304–308 [in Russian]
5. Shaposhnikov A.Yu., Shaposhnikova I.A. Some aspects of evaluation of evidential significance of traces of dermal ridges. *Iuridicheskii analiticheskii zhurnal [Legal analytical journal]*, 2009, no. 2, pp. 53–67 [in Russian].

Приложение

На фотографиях зафиксированы два конверта, в которые упакованы дактилоскопические пленки, изъятые в ходе осмотра места происшествия. Конверты разные, но их текстовое описание совпадает

A. Yu. Shaposhnikov*

**VIEW OF THE PLACE OF OCCURRENCE – SOME GAPS OF CRIMINALLY-
REMEDIAL LEGISLATION OR «ERRORS» OF INVESTIGATORS**

In the article it is said about some common violations of the criminal procedure law, permitted by investigators during the examination of the scene, about the lack of legislative recognition of the stringent requirements to the procedure and conditions for the application of technical means of fixation at production and examination of the scene. The attention is drawn to the impossibility of identifying of the seized in the course of examination of the scene objects and traces in the absence of detailed photos of objects and their packaging. This article describes best practices for photographing objects and their packaging in the course of examination of the scene and forensic examinations.

Key words: examination of the scene, photographing, evidences, proving, reliability of evidence.

---

* *Shaposhnikov Andrey Yurievich* (shaposhnikoff@mail.ru), Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.